

Оригинальная статья / Original article

УДК 81.23

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-4-51-63>**Категория значимости в этнопсихолингвистических исследованиях ценностей****З. Г. Адамова¹** ✉

¹Московский государственный лингвистический университет,
ул. Остоженка, д. 38, стр.1, г. Москва 119034, Российская Федерация

✉ e-mail: zoya_adamova@mail.ru

Резюме

Статья посвящена проблеме роли речевой деятельности в становлении и трансформации культуры. Для решения этой проблемы автор обосновывает необходимость определения принципов функционирования речевой деятельности как социального феномена. На основе сопоставления концептуальных положений деятельностных теорий, психологической и социологической, автор определяет специфику речевой деятельности как социальной (саморегулятивной); сравнивает принципы исследования «жизненно-го мира» в социологии и «образа мира» в психологии как реализации «программы жизнедеятельности»; определяет основные принципы этнопсихолингвистического исследования «образа мира» как регулирующего механизма деятельности человека и общества; аргументирует введение категории значимости в этнопсихолингвистическое исследование ценностей. Понимание «образа мира» как ситуации соотношения деятельности с действительностью позволяет определить принципы организации и функционирования речевой деятельности как социальной, или саморегулятивной. На основе роли речевой деятельности в формировании и функционировании «образа мира» решаются междисциплинарные проблемы сущности и условий формирования личности и общества. Для этого в моделирование структуры и содержания актуального психологического значения (смысла) ценностей как установки на действие в определенном направлении предлагается ввести категорию мотивационной и функциональной значимости, устанавливаемой на базе данных ассоциативного эксперимента. Особая роль при этом отводится интерпретации эмоциональных речевых действий, рассматриваемых как проявление отношения к условиям деятельности; а также «действенному» компоненту, содержание которого связано с осмыслением ситуации с точки зрения способов (операций) действия. Принципиально междисциплинарный характер объекта исследования – речевого действия как социального – делает возможным использование предлагаемой модели в исследовании различных аспектов познания (психологического, социологического, культурологического, политологического и др.) и тем самым предлагает вербальную методику исследования междисциплинарных проблем познания.

Ключевые слова: деятельность личности; саморегулятивная деятельность; ценности; речевая деятельность; «образ мира» и «жизненный мир»; значимость ситуации; установка; мотивационная значимость; функциональная значимость.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Адамова З. Г. Категория значимости в этнопсихолингвистических исследованиях ценностей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2023. Т. 13, № 4. С. 51-63. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-4-51-63>.

Статья поступила в редакцию 29.09.2023

Статья подписана в печать 12.10.2023

Статья опубликована 23.12.2023

Motivational and Active Salience in Ethnopsycholinguistic Studies of Values

Zoia G. Adamova¹ ✉

¹Moscow State Linguistic University
38 Ostozhenka Str., 119034 Moscow, Russian Federation

✉ e-mail: zoya_adamova@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the problem of the role of speech activity in the formation and transformation of culture. To solve this problem, the author substantiates the need to determine the principles of functioning of speech activity as a social phenomenon. Based on a comparison of the conceptual provisions of activity theories, psychological and sociological, the author determines the specificity of speech activity as social (self-regulatory); compares the principles of studying the "life-world" in sociology and the "image of the world" in psychology as the implementation of a "life program"; defines the basic principles of ethnopsycholinguistic research of the "image of the world" as a regulating mechanism of human and society activity; argues for the introduction of the category of motivational and active salience into the ethnopsycholinguistic study of values. Understanding the "image of the world" as a situation of correlating activity with reality allows us to determine the principles of organization and functioning of speech activity as social or self-regulatory. Based on the role of speech activity in the formation and functioning of the "image of the world," interdisciplinary problems of the essence and conditions for the formation of personality and society are solved. To do this, it is proposed to introduce the category of motivational and functional significance, established on the basis of the data of an associative experiment, into the modeling of the structure and content of the actual psychological meaning (meaning) of values as an attitude towards action in a certain direction. A special role is given to the interpretation of emotional speech actions, considered as a manifestation of attitude to the conditions of activity; as well as the "effective" component, the content of which is associated with understanding the situation from the point of view of methods (operations) of action. The fundamentally interdisciplinary nature of the object of study - speech action as a social one - makes it possible to use the proposed model in the study of various aspects of cognition (psychological, sociological, cultural, political science, etc.) and thereby offers a verbal methodology for studying interdisciplinary problems of cognition.

Keywords: personality activity; self-regulatory activity; values; speech activity; "image of the world" and "life world"; significance of the situation; attitude; motivational salience; active salience.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Adamova Z. G. Motivational and Active Salience in Ethnopsycholinguistic Studies of Values. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2023, 13(4): 51–63 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-4-51-63>.

Received 29.09.2023

Accepted 12.10.2023

Published 23.12.2023

Лишь то, что необходимо, тяжело,
лишь то, что весит, имеет цену
(Милан Кундера)

Введение

Одной из теоретических задач, стоящих перед отечественной этнопсихолингвистикой, является «установление роли речевой деятельности в становлении

и трансформации культуры, включая определение специфики способов действия со словом в разных культурных сферах» [1, с.18]. Если исходить из определения культуры как «особого типа деятельности, реализующейся в виде...

программ человеческой жизнедеятельности (деятельности поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [2, с.73], то с теоретической точки зрения речь идет, по сути, о глобальной проблеме исследования сознания – проблеме отношения слова к мысли и деятельности. В практическом аспекте – о проблеме роли речевой деятельности в формировании личности как субъекта общественных отношений, точнее, волевой личности (А.Н. Леонтьев), способной обеспечить «воспроизводство и изменение социальной жизни». А.А. Леонтьев определяет эту проблему как проблему языкового саморегулирования, или языка как орудия познания – «теоретической деятельности, опосредствованной языком», «единственной функции, по которой у языка нет эквивалентов», так как «всякое знание... в конечном счете может быть сведено к языковому знанию; в противном случае оно не является коллективным» [3, с. 37]. Таким образом, для решения обозначенной задачи в анализе национально-культурной специфики речевой деятельности и ее роли в формировании и трансформации культуры необходимо учитывать два принципиально важных момента. Во-первых, такой анализ должен учитывать уровневую структуру активности человека и проводиться на уровне деятельности личности. Согласно А.Н. Леонтьеву, деятельностьную основу личности составляет «особое строение целокупных деятельностей субъекта, которое возникает на определенном этапе развития его человеческих связей с миром» [4, с. 209]. Как пишет А.Н. Леонтьев, поскольку «человек живет как бы во все более расширяющейся для него действительности», а его знание о жизни «всегда опережает его превращение в определяющее его деятельность» и «выполняет очень важную роль в формировании мотивов», процесс формирования личности может быть представлен как процесс развития воли

[4, с.209]. Действительно, мир формируется (трансформируется) не сознанием человека, а его «деянием, личностно опосредованной системой поступков, определяющей развитие его личности» [5, с.281]. Следовательно, при анализе национально-культурной специфики речевой деятельности на уровне деятельности личности мы имеем дело с волевым процессом саморегуляции, или оценки и переоценки мотивов, на основе чего и происходит или не происходит реализация личности как субъекта общественных отношений. А если это так, то, во-вторых, такой анализ самым прямым и необходимым образом будет связан с анализом ценностей, а именно социальной значимости ценностей. Как пишет Ю.Б. Гиппенрейтер, анализируя тексты А.Н. Леонтьева о воле и личности, «обязательным условием правильного понимания воли» является рассмотрение всей деятельности, побуждаемой «социально значимыми идеальными мотивами» [6, с. 17]. Фундаментальные базисные ценности и смыслы, или мотивы, регулирующие человеческую жизнедеятельность, представлены в закреплённой в значениях естественного языка системе ценностей, или, по В.С. Степину, «мировоззренческих универсалий» [7]. По мнению В.С. Степина, специальный анализ этого «социокода», функционирующего как «предельно обобщенная программа деятельности», отвечает конструктивной и прогностической функции гуманитарных наук. Он необходим не только для сохранения прежних оснований социальной жизни, но и «для того, чтобы изменить их и тем самым способствовать социальным переменам» [7, с. 6]. Следовательно, посредством психолингвистического анализа ценностей, раскрытия их социальной значимости мы можем выявить их регулирующую функцию, тем самым определить роль речевой деятельности в присвоении ценностей и их функционировании как регуляторов деятельности человека и общества.

Цель данной статьи – на основе сопоставления концептуальных положений деятельностных теорий, психологической и социологической, аргументировать введение в психолингвистический анализ ценностей категорий мотивационной и функциональной значимости, которые позволяют определить принципы организации и функционирования речевой деятельности как социального феномена.

Основная часть

В отношении саморегуляции как индивида, так и культуры и общества в целом основная проблема заключается в том, что сконструированные с помощью языка «мировоззренческие универсалии» [7] могут обладать разной степенью адекватности действительности и по-разному влиять на развитие личности и общества, поэтому постоянно нуждаются в переосмыслении как на уровне деятельности личности, так и на уровне деятельности всего общества. По мнению Г.П. Щедровицкого, проблема адекватности/ неадекватности действительности является ключевым моментом саморегуляции, или «мыследеятельности» [8, с.145]. Этот момент состоит в том, что саморегуляция осуществляется не только посредством «рефлексивного понимания» ситуации, связанным с представлениями о мире и вызываемыми ими переживаниями, но и с «действенным пониманием», т.е. способностью «построить ситуацию и начать в ней действовать» [8, с.159]. Однако культура и система образования, делающая акцент только на саморегуляции посредством «просто понимания», т.е. «рефлексивного понимания», не способствует развитию социальной жизни, т.к. такое понимание оставляет ситуацию «бездейственной» [8, с.164]. Действительно, и в этнопсихолингвистических исследованиях национально-культурной специфики сознания «действенный» аспект, как правило, не рассматривается. На наш взгляд, проблема заключается в том, что они нередко игнорируют тот факт, что этнопсихолингвистика имеет дело с *активной де-*

ятельностью индивида (курсив здесь и далее наш. – З.А.), направленной на преобразование окружающего мира. Изучая этническую специфику речевой деятельности индивида, моделируя и сравнивая «образы мира» различных культур, этнопсихолингвистика занимается, по сути, моделированием «программ жизнедеятельности» (В.С. Степин) культуры и общества. Однако, при этом не учитывается специфика деятельности как «программы». Поэтому представляется необходимым обратиться к методологическим основаниям этнопсихолингвистики, которые позволяют операционализировать процессы социального взаимодействия как опыта деятельности, направленной на реализацию «программы жизнедеятельности».

В этнопсихолингвистике такая «программа» представлена понятием национально-культурно детерминированного инвариантного «образа мира». По А.А. Леонтьеву, «образ мира – это отображение в психике человека предметного мира, опосредствованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [5, с.268]. Так как деятельность человека не может вообще существовать вне «системы отношений общества», «адекватность и степень полноты образа» (восприятия) как непосредственного чувственного отражения действительности зависит от характера *процессов реализации взаимодействия с миром* [4, с.34]. Теоретическая деятельность (само)регулируемая также опосредована образами восприятия, или «образом мира». Следовательно, «образ мира» есть по сути своей «образ социального мира» (Г.М. Андреева) – ментальный конструкт, который представляет собой «всего лишь ситуацию» соотнесения потребностей индивида с его знаниями о предметном мире [9, с.34]. Или, словами А.Н. Леонтьева, это не «нечто, субъективно приписываемое миру», а «процесс восприятия», или «средство вычерпывания» образа из

объективной реальности посредством «означивания» предметного мира, «перехода за пределы непосредственно чувственной картинки», в результате чего получается «образ объективного мира, объективной реальности. Образ более адекватный или менее адекватный, более полный или менее полный... иногда даже ложный...» [10, с.13]. Таким образом, «образ объективного мира» является одновременно и результатом деятельности, и процессом (средством) деятельности. В этом состоит суть фундаментального психологического принципа единства и противоположности образа и процесса, основанного на «особенностях функционировании знания, с одной стороны, в системе отношений общества, в общественном сознании, а с другой стороны – в деятельности индивида, реализующей его общественные связи, в его сознании» [4, с. 144]. Двойственная натура социального знания операционализируется в психологии как противопоставление понятий значения и личностного смысла: со значениями соотносится инвариантный образ мира, а с личностным смыслом – индивидуальные, личностно-смысловые образования. При этом значения, в которых «представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой» становятся психологической категорией только как «составляющие» индивидуального сознания, которые «ориентируют» человека в мире [4, с. 141].

Таким образом, психологическая категория «образа мира» соотносится с социологическим понятием «жизненного мира». «Жизненный мир» как мир человеческого опыта социализирован структурно и генетически. Он основан на «взаимности перспектив», т.е. на типизирующих конструктах, обеспечивающих способность постигать объекты социального мира, шире – «объекты познания вообще» как «всеобщее знание» [11, с. 16]. Только

в рамках «всеобщего», или объективного, знания возможно осуществление «уникальных биографических обстоятельств» [11]. «Всеобщее знание» как «типизирующее средство» передается через данные в «естественном языке имена вещей и событий» [11, с. 17].

Итак, как реализуется психологический процесс «означивания» мира, от которого зависит адекватность «образа мира»? Он реализуется в речевой деятельности. «Чрезвычайный» акт встречи потребности с предметом, который «переводит потребность на психологический уровень», где она становится способной направлять и регулировать деятельность [4, с.87], мы можем наблюдать лишь в речевой деятельности, так как ни в какой другой деятельности саморегулятивная деятельность человека не может быть осуществлена. В теоретической деятельности предметность мира выступает только как «представление слова», т.е. не выраженный в непосредственной материальной форме психический «виртуальный знак» как результат опредмеченной в знаках деятельности [12, с. 26]. Поэтому в исследовании специфики речевой деятельности как социального взаимодействия единицей анализа становится акт речевой деятельности. При этом, поскольку мы говорим о проблеме регуляции и саморегуляции, мы имеем в виду, в первую очередь, теоретическую речевую деятельность по «означиванию» мира ценностей, в результате чего формируется «социокод» как «предельно обобщенная программа деятельности» общества (В.С. Степин).

Как и любой акт деятельности, речевая деятельность есть единство мотивационной, целевой и исполнительной сторон деятельности: «он начинается мотивом и планом и завершается результатом, достижением намеченной вначале цели; в середине же лежит «динамическая система конкретных действий и операций, направленных на это достижение» [3, с. 26]. Следовательно, объектом этнопсихолингви-

стического исследования формирования и функционирования «образа мира» становятся конкретные речевые действия и операции как средства саморегуляции, которые ориентируют человека в конкретном речевом событии или ситуации, т.е. при данных условиях деятельности.

Идея конкретности, или актуальности ситуации исходит из другой соотносимой с «образом мира» характеристикой интерсубъективного «жизненного мира». Она состоит в том, что «социальное знание распределено», т.е. «любой индивидуальный запас знания в каждый момент структурирован на различные области ясности, отчетливости и точности»; он «возникает из превалирующих релевантностей», воплощенных в мотивах и образцах действий, и является «биографически детерминированной» [11, с.17]. Это означает, что в речевой деятельности (деятельности по саморегуляции) значения «мировоззренческих универсалий» (В.С. Степин) как общественно выработанные способы (операции) действия функционируют как условие «создания образа мира» (А.Н. Леонтьев). В то же время, обретая личностный смысл, они субъективируются и становятся средством саморегуляции, т.е. средством «создания образа мира». Кроме того, это означает, что саморегуляция всегда связана с необходимостью *определить ситуацию*. Ситуация предполагает, что, с одной стороны, она имеет дело с безразличными к формам чувственности предметными значениями, а с другой стороны, она всегда подразумевает «пристрастность» индивидуального сознания, отнесенность значения к чувственным впечатлениям [4, с.153]. А. Шюц обозначает эти два принципиальных компонента ситуации, которую нужно определить, следующим образом: первый компонент относится к онтологическому компоненту ситуации и переживается индивидом как «навязанный извне», а второй связан со «спонтанным определением ситуации в рамках наложенных онтологических

рамки» [13, с.58]. Таким образом, суть «образа мира» так же, как и «жизненного мира» составляет определение, или осмысление ситуации.

Процесс осмысления ситуации зависит от отношения между мотивационной, целевой и исполнительной сторон акта речевой деятельности. Иными словами, процесс «означивания» ситуации зависит от смысловых связей между элементами социального знания, опредмеченного в значениях, и переживается субъектом как препятствие или помощь его активности. Эти смысловые связи проявляют себя как система мотивов, функция которых «состоит в том, что они как бы "оценивают" жизненное значение для субъекта объективных обстоятельств и его действий в этих обстоятельствах, придают им личностный смысл, который прямо не совпадает с понимаемым объективным их значением. При определенных условиях несовпадение смыслов и значений в индивидуальном сознании может приобретать характер нестоящей чуждости между ними, даже их противопоставленности» [4, с. 150]. Следовательно, формирование личностного смысла есть формирование *значимости* предметного значения, которая как результат теоретической речевой деятельности регулирует «программу жизнедеятельности» в целом. Личностный смысл переживается индивидом как оценочная, «пристрастная» (А.Н. Леонтьев) деятельность по соотнесению актуальных потребностей, связанных с ситуацией, с самой данной ситуацией как условием деятельности. В теоретической деятельности речь идет о двух аспектах значимости «образа мира» как процесса: с одной стороны, значимость опредмеченного в значении «представления слова», и с другой стороны, значимость опредмеченного в значении способа действия. Это соотносится с понятием «мотивационной релевантности» А. Шюца, согласно которому осмысление ситуации есть выбор тех элементов актуального знания, которые дают возможность дей-

ствовать, т.е. *овладеть ситуацией* и регулировать её [13, с.59]. Поэтому *значимость* предполагает не только «чистое» знание об объекте, но и знание тех его элементов, которые дают возможность совершать «действия или ответные действия» в рамках осуществления намеченного «жизненного плана» [11, с.103].

Деятельностный подход к анализу мотивации говорит о том, что мы имеем дело с системой отношений человека к миру, которые должны так или иначе реализовываться в деятельности человека [4, с. 183]. В общей психологии «избирательное отношение к чему-то значимому и *приноровление к соответствующей деятельности* или *способу действия*» объясняется механизмом *установки* [14, с.855]. Как динамическое образование структура установки включает в себя разные «мотивационные образования» (потребности, цель, мотив, задачи и др.) и выступает как стремление, или направленность деятельности. Она включает в себя два взаимосвязанных момента: «предметное содержание, поскольку направленность – это всегда направленность на что-то, на какой-то более или менее определённый предмет, и напряжение, которое при этом возникает» [14, с. 854]. Согласно теории Д.Н. Узнадзе, установка являются «конечным продуктом» процесса мотивации [15] и функционируют как «готовность к активности в определенном направлении» [16, с.24]. Таким образом, в теоретической речевой деятельности саморегуляции мы имеем дело с механизмом формирования личностного смысла значения ценностей как определенной установки на действие. В социологии именно «естественная установка», понимаемая как «форма понимания» социального знания, является основной категорией анализа социального действия как единицы анализа «жизненного мира». Так же, как и личностный смысл в психологии, она формируется в процессе сопоставления всего предыдущего опыта индивида с его актуальной картиной мира и

определяет как способ отношения к объектам мира, их влиянию, так и соответствующие им способы действия [13, с.52].

Проблема личностного смысла заключается в том, что мотивы как то, что определяет конкретную деятельность, «могут выступать только своим предметным содержанием», а это содержание прямо в них не заложено и, следовательно, не может быть из них выведено [4, с. 193]. Другими словами, системы мотивов (потребностей) как психологической реальности не существует, если ее нельзя представить себе и удовлетворить. Поэтому они могут проявляться с разной степенью очевидности – «от неясного побуждения до рационального проекта» [11, с.59]. Сложность исследования значения фундаментальных смыслов и ценностей, регулирующих деятельность человека и общества, состоит именно в этом. Отсюда проблема принятия предмета потребности, как самой потребности, а не способа ее удовлетворения, и связанная с ней проблема социальной аномии, например. Кроме того, человеческие потребности имеют общественно-историческую природу: в процессе деятельности вместе с изменением системы «мировоззренческих универсалий» (В.С. Степин), происходит также изменение и форм их психического отражения; мотивы развиваются в связи с развитием связей между деятельностями субъекта. Недаром одной из наиболее быстро развивающихся областей в современной исторической науке стала история эмоций, благодаря которой мы знаем о существовании «эмоциональных сообществ» и соответствующих им «фантазий» о ценностях [17; 18].

С точки зрения саморегуляции мотивы должны осознаваться, иначе вместо «добровольного принятия и личностной ассимиляции» социальных ценностей ценностное развитие человека как субъекта общественных отношений идет по пути «подчинения им без личностного

усвоения» [6, с. 22]. Отсюда значение, которое обретает исследование роли речевой деятельности в формировании и трансформации культуры.

Согласно деятельностной психологии, если даже мотивы не осознаются, это не означает, что они отделены от сознания. Если осознаваемые мотивы находят свое выражение в целенаправленной деятельности, регулируемой осознаваемыми способами и средствами, то неосознаваемые мотивы отражаются в деятельности «в форме эмоциональной окраски действия» [4, с. 201]. Интенсивность этой эмоциональной окраски, ее знак и качественная характеристика выполняют специфическую функцию – *регулирующую функцию эмоциональности*, которая «обуславливает по преимуществу динамическую сторону или аспект деятельности» [14, с. 651]. При этом принципиально важно различать эмоции, или чувства, и эмоциональность, или аффективность как таковую: «ни одна реальная, действительная эмоция не сводима к изолированно взятой, "чистой", т.е. абстрактной, эмоциональности или аффективности. Всякая реальная эмоция обычно включает в себя единство аффективного и интеллектуального, переживания и познания, так же как она включает в себя в той или иной мере и "волевые" моменты влечения, стремления, поскольку вообще в ней в той или иной мере выражается весь человек. Взятые в этой своей конкретной целостности, эмоции служат побуждениями, мотивами деятельности. Они обуславливают ход деятельности индивида, будучи сами в свою очередь обусловлены ими» [14]. Поэтому нужно говорить не просто о единстве аффекта и интеллекта в жизни личности, но и «о единстве эмоционального, или аффективного, и интеллектуального внутри самих эмоций, так же как внутри самого интеллекта» [14].

В связи с этим А.Н. Леонтьев выдвигает важное методологическое положение о различении понятий эмоции и личностного смысла в силу двойственной

функции мотивов: «функции побуждения» выполняют «мотивы-стимулы», «смыслообразующими» являются «смыслообразующие мотивы» [4, с.202]. Последние всегда занимают «более высокое иерархическое положение, даже если не обладают прямой аффектогенностью» [4, с. 204], поскольку отношения иерархии мотивов определяются не характером самих мотивов, а иерархией деятельностей субъекта, «их опосредствованиями и поэтому являются релятивными» [4, с. 203]. Так, «когда важная по своему личностному смыслу для человека деятельность сталкивается с негативной стимуляцией, вызывающей даже сильное эмоциональное переживание, то личностный смысл от этого не меняется; чаще происходит другое, а именно своеобразная, быстро нарастающая психологическая дискредитация возникшей эмоции» – явление, которое подчеркивает важность разделения и адекватной интерпретации связи между эмоциональным переживанием и личностным смыслом [4, с. 203]. Как пишет А.Н. Леонтьев, парадокс заключается в том, что мотивы «открываются сознанию только объективно, путем анализа деятельности, ее динамики. Субъективно же они выступают только в форме переживания, хотения, стремления к цели» [4, с. 204]. Роль теоретической речевой деятельности и ее эмоциональной окраски как проявления мотивов в саморегуляции подчеркивается, таким образом, выделением двух типов мотивации. В микросоциологическом подходе к действию также выделяются «*мотивы-для*», или «наличные цели», которые связаны с настоящими проектами «жизненного плана» и «*мотивы-потому что*» конструирующиеся после действия [11, с. 24]. Последние служат предпосылкой переосмысления всей системы отношений человека к миру и построения «новых проектов жизненного плана», в результате чего «*мотивы-потому что*» преобразуются в «*мотивы-для*» [11]. Поэтому они называются «подлинно» социальными с точки зрения за-

дачи социальных наук, так как их понимание дает возможность установить смысловые связи между всеми элементами целостного действия как завершенного акта [11].

Ю.Б. Гиппенрейтер называет развитие мотивации «важнейшей ареной процессов становления личности», где встречаются потребности субъекта и внешняя «воля» социальной среды [6, с. 22]. Как принято считать в педагогике и психологии, именно утрата способности осознавать собственные эмоции и потребности (мотивы) и управлять ими, выученная неспособность переживать связи между своей деятельностью и собственными интересами, желаниями и целями лежит в основе пассивности, конформности, «безволия», «лени» личности [6].

Таким образом, если неосознаваемые мотивы находят психическое отражение в форме эмоциональной окраски действий, то для выявления их побудительной и смыслообразующей функции необходимо определить детерминированную социальной значимостью мотивационную значимость опредмеченной потребности. В теоретической деятельности речь идет об установлении социальной значимости ценностей («мировоззренческих универсалий»). Для этого в этнопсихолингвистических исследованиях ценностей анализ мотивационной стороны речевой деятельности должен учитывать условия речевой деятельности, потребности, связанные с ними, и динамический аспект мотивации, т.е. регулируемую функцию эмоциональных речевых действий. Поэтому анализ эмоционального содержания речевых действий предполагает исследование актуальных условий социальной деятельности, в которых протекает речевая. То есть тех условий, которые опредмечиваются в конкретной деятельности. Так, анализ этнических стереотипов как регуляторов этнической самоидентификации и межэтнических контактов и, например, исследование демократии как условия

функционирования общества или инструмента пропаганды, предполагает изучение разных аспектов социальной деятельности. Следовательно, анализ мотивационной сферы должен это учитывать. Он должен также учитывать, что эмоциональные речевые действия являются проявлением отношения к условиям деятельности. Только в таком случае мы можем определить роль национально-культурной специфики речевой деятельности в формировании и трансформации культуры. Она будет проявляться как *мотивационная значимость* ценностей в виде эмоционально окрашенных речевых действий и операций для представления определенного предметного содержания и определенной направленности. Методологический принцип различения эмоциональности и собственно эмоций, соблюдение принципа единства эмоционального и интеллектуального, сформулированного С.Л. Рубинштейном, играет ключевую роль в формировании «побудительных» и «смыслообразующих» мотивов речевой деятельности и, следовательно, влияют на понимание её функций. Поэтому анализ специфики эмоционального аспекта речевой деятельности как социальной должен учитывать положения деятельностной теории мотивации и структуру языкового знания как социального. Это позволит определить подлинную роль эмоций в речевой деятельности, их соотнесенность с мотивами социальной деятельности.

По мнению С.Л. Рубинштейна, подобно тому, что «неосознанное чувство есть чувство, не соотнесенное или неадекватно соотнесенное с действительностью», так и неосознанный поступок – «это не поступок, в отношении которого человек вообще не знает, что он его совершил, а поступок, не соотнесенный человеком с его последствиями: пока человек не соотнес свой поступок с его объективными результатами, он не знает, что собственно он совершил» [Цит. по: 19, с. 120]. Как мы выяснили, соотнесение с

действительностью – это и есть деятельность человека по саморегулированию, деятельность по сути своей речевая. Следовательно, изучая процесс речевой деятельности, мы имеем дело и с собственно волевыми проявлениями личности, так как «эмоциональные факторы могут быть одним из мотивов поведения, но вопрос о регулировании человеческой деятельности в целом не решается одними эмоциями; он ставит перед психологией проблему воли» [14, с.698].

Еще более непосредственно и органически в действие индивида «включен волевой процесс и неразрывно связан с ним» так, что «изучение волевого акта это и есть изучение действия в отношении *способа его регуляции*» [14, с. 700]. Это связано с природой потребности как состояния пассивно-активного: «пассивное, поскольку в ней выражается зависимость человека от того, в чем он испытывает нужду, и активное, поскольку оно включает стремление к ее удовлетворению и тому, что может ее удовлетворить» [14, с. 700]. В случае «теоретической» деятельности саморегуляции посредством языка «опредмечивание» означает установление связей между задаваемыми обществом потребностями, например, в виде «идеальных» норм и ценностей, и формами социальной деятельности, которые могут эту потребность удовлетворить. Эти связи могут быть установлены только в практическом *действенном* опыте социальных отношений, в результате которого субъект деятельности приобретает навыки «сознательного регулирования так, чтобы весь ход действия определялся целью и приводил к ее осуществлению» [14, с. 702]. Структура речевой деятельности как социальной включает, таким образом, «в качестве своего обязательного звена общественно-исторически сформировавшиеся средства и способы, передаваемые ему окружающими людьми в процессе сотрудничества, в общении с ними», но передать их можно только «во внешней форме – в

форме действия или в форме внешней речи» [4, с. 97].

Речь идет о «внешних» условиях деятельности – о способах оперирования со словом – речевых операциях, формирующихся в процессе социальной практики. Как продукт общественно-исторической практики, (речевая) операция «выступает как процесс непсихологический», так как зависит от внешних условий достижения целей. В то же время она психологична, поскольку принципиально целенаправленна и связана, таким образом, с побудительной силой действия [20, с.15]. Следовательно, операционная сторона речевой деятельности как социальной определяется *формами действования* с «идеальными» значениями ценностей, в которых отражается структура действительности, её исполнительная сторона диктуется ситуацией социального взаимодействия. В речевых операциях проявляется «типичное» знание о ценностях в способе их регуляции. Именно в этом смысле они характеризуются как автоматические, или неосознаваемые. Но это не означает, что речевые операции лишены смысла для субъекта, для которого операции – это условие деятельности, и степень осознания/ неосознания его определяет в конечном счете характер деятельности. А.А. Леонтьев намечает два пути формирования речевых операций: «либо путем подражания или (и) "проб и ошибок"; либо путем сознательного, намеренного и произвольного осуществления операции на уровне актуального осознания (т.е. как акта деятельности или действия) с последующей автоматизацией и включением в более сложное действие» [5, с. 220]. Непроизвольный или произвольный характер операций так же, как и характер всей установки, зависит от мотивационных и волевых процессов деятельности, и необходимо выявить связи между ними. Таким образом, если определение мотивационной значимости ценностей связан с условиями конструирования «образа социального мира», то анализ волевых про-

цессов в структуре речевой деятельности как саморегулятивной направлен на определение *функциональной значимости* ценностей с точки зрения содержательного потенциала ценностей для осуществления волевой личности как активно реализующего свои социально значимые мотивы субъекта общественных отношений.

Выводы

Психология социального познания определяет проблему адекватности/ неадекватности действительности как проблему саморегуляции, которая состоит в «рассогласовании» между «воздействием образа социальной реальности и социальной реальности» на человека и общество в целом [9, с.35]. Мы выяснили, что построение «образа социального мира» есть и процесс, и результат осмысления ситуации, т.е. выбор тех элементов «образа мира», которые дают возможность овладеть ситуацией и регулировать её. В теоретической речевой деятельности речь идет об определении значимости не выраженных в непосредственной материальной форме психически «виртуальных» ценностей, в результате чего формируется личностный смысл, или установка на действие. При этом важно определить не только мотивационную, но и функциональную значимость ценностей, так как исследование установки как регулирующего механизма предполагает исследова-

ние не только «рефлексивного», но и «действенного понимания» (Г.П. Щедровицкий), дающего человеку возможность реализовать себя как личность, или как активного участника общественных отношений. Как показал наш анализ, теоретико-методологические основы этнопсихолингвистики позволяют рассматривать функционирование ценностей как результат интерсубъективного опыта деятельности личности, тем самым выявить интенциональные, мотивационные и операционные стороны механизма регуляции как соотнесения деятельности с действительностью. Следовательно, возможно определить роль речевой деятельности в развитии личности и общества, т.е. «саморегулятивную функцию языка» (А.А. Леонтьев) как функцию регуляции социального поведения. Как пишет А.А. Леонтьев, «процесс обучения может быть понят как процесс формирования инвариантного образа мира, социально и когнитивно адекватного реальностям этого мира и способного служить ориентировочной деятельности человека в нем» [5, с. 273]. Однако традиции моделирования «инвариантного образа мира», которые установились в отечественной науке в рамках теории межкультурной коммуникации, не учитывают его принципиальный регулирующий характер и поэтому не могут служить ориентировочной деятельности человека в социальной реальности.

Список литературы

1. Пищальникова В.А. Этнопсихолингвистика как методологическая база межкультурных исследований // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. №4 (793). С. 11-19.
2. Степин В. С. Человеческое познание и культура. СПб., 2013. 140 с.
3. Леонтьев А.А. Язык. Речь. Речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
5. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003. 287 с.
6. Гиппенрейтер Ю.Б. О природе человеческой воли // Психологический журнал. 2005. Т. 26. №3. С. 15-24.
7. Степин В.С. Конструктивные и прогностические функции философии // Вопросы философии. 2009. №1. С. 5-10.

8. Щедровицкий Г.П. Оргуправленческое мышление: методология, технология (курс лекций). М.: Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2023. 464 с.
9. Андреева Г.М. Социальное познание и социальные проблемы // Национальный психологический журнал. 2013. №1 (9). С. 39-49.
10. Леонтьев А.Н. Образ мира // Мир психологии. 2003. №4. С.11-18.
11. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом: [пер. с нем. и англ.]. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 1056 с.
12. Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. М.: Едиториал УРСС, 2003. 248 с.
13. Шюц А. Некоторые структуры жизненного мира // Личность. Культура. Общество. 2007. Вып. 2 (36). С. 52-68.
14. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Издательство АСТ, 2020. 960 с.
15. Имедадзе И.В. Ситуативное развитие мотивации и установка. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1989/892/892090.htm> (дата обращения 20.12.22).
16. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения: Диспозиционная концепция. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.
17. Плампер Я. История эмоций. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 568 с.
18. Розенвейн Б. Любовь: история в пяти фантазиях. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 248 с.
19. Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирование личности. М.: Мысль, 1976. 158 с.
20. Основы теории речевой деятельности. Коллективная монография. М.: Изд-во «Наука», 1974. 333с.

References

1. Pishchal'nikova V.A. Etnopsikholingvistika kak metodologicheskaya baza mezhkul'turnyh issledovanij [Ethnopsycholinguistics as a methodological basis for intercultural research]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2018, no. 4 (793), pp. 11-19.
2. Stepin V. S. *Chelovecheskoe poznanie i kul'tura* [Human cognition and culture]. St. Petersburg, 2013.
3. Leont'ev A.A. *Yazyk. Rech'. Rechevaya deyatel'nost'* [Language. Speech. Speech Activity]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1969.
4. Leont'ev A.N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, Politizdat Publ., 1975.
5. Leont'ev A.A. *Osnovy psiholingvistiki* [Basis of Psycholinguistics]. Moscow, Smysl Publ., Saint-Petersburg, Lan Publ., 2003.
6. Gippenrejtser Y.B. O prirode chelovecheskoj voli [About the nature of human will]. *Psichologicheskij zhurnal = Psychological Journal*, 2005, vol. 26, no. 3, pp. 15-24.
7. Stepin V.S. Konstruktivnye i prognosticheskie funkicii filosofii [Constructive and Prognostic Functions of Philosophy]. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*, 2009, no. 1, pp. 5-10.
8. Shchedrovickij G.P. Orgupravlencheskoe myshlenie: metodologiya, tekhnologiya (kurs lekciij) [Organizational thinking: Methodology, Technology (lectures)]. Moscow, "Izd-vo Studii Artemiya Lebedeva", 2023.
9. Andreeva G.M. Social'noe poznanie i social'nye problemy [Social Cognition and Social Problems]. *Nacional'nyj psichologicheskij zhurnal = National Psychological Journal*, 2013, no. 1 (9), pp. 39-49.

10. Leont'ev A.N. Obraz mira [Image of the World]. *Mir psihologii = World of Psychology*, 2003, no. 4, pp. 11-18.
11. Schutz A. *Izbrannoe: Mir, svetyashchijsya smyslom* [Collected Papers: World glowing with Meaning]. Moscow, Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN) Publ., 2004.
12. Leont'ev A.A. *Slovo v rechevoj deyatel'nosti: Nekotorye problemy obshchej teorii rechevoj deyatel'nosti* [Word in Speech Activity: some problems of Speech Activity theory]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003.
13. Schutz A. Nekotorye struktury zhiznennogo mira [Some structures of Life-World]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo = Personality. Culture. Society*, 2007, vol. 2 (36), pp. 52-68.
14. Rubinshtejn S.L. *Osnovy obshchej psihologii* [Basics of General Psychology]. Moscow. AST Publ., 2020.
15. Imedadze I.V. *Situativnoe razvitie motivacii i ustanovka* [Situational development of Motivation and Attitude]. Available at: <http://www.voppsy.ru/issues/1989/892/892090.htm>. (In Russ.).
16. *Samoregulyaciya i prognozirovanie social'nogo povedeniya: Dispozicionnaya koncepciya* [Self-regulation and Prediction of Social behavior. The dispositional concept]. Moscow, CSPiM Publ., 2013.
17. Plamper Ya. *Istoriya emocij* [History of Emotions]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. (In Russ.).
18. Rozenvejn B. *Lyubov': istoriya v pyati fanta* [Love: A History in Five Fantasies]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2023. (In Russ.).
19. Aseev V.G. *Motivaciya povedeniya i formirovanie lichnosti* [Motivation of Behavior and Personality Development]. Moscow, Mysl Publ., 1976.
20. *Osnovy teorii rechevoj deyatel'nosti* [Fundamentals of the theory of speech activity]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 333 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Адамова Зоя Гаврильевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психолингвистики, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: zoya_adamova@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6309-4102, Researcher ID: GYJ-2610-2022

Zoia G. Adamova, Candidate of Sciences (Philological), Department of General and Comparative Linguistics, Laboratory of Psycholinguistics, Leading Researcher, Moscow State Linguistic university, Moscow, Russian Federation, e-mail: zoya_adamova@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6309-4102, Researcher ID: GYJ-2610-2022